

Глава 21. Любовь, скрытая от самого себя

После всего случившегося отношения между Се Нанем и Лу Шэном сделались на редкость тонкими, даже зыбкими. Главные перемены коснулись, пожалуй, Се Наня. Он больше не относился к супругу так, точно послушно выполнял очередное задание: в его жестах и словах промелькнула искренность. Раньше, сидя за обеденным столом, он подкладывал Лу Шэну еду лишь из вежливости, теперь же стал примечать, какие блюда тому больше по душе, и даже заботился о правильном сочетании мяса и зелени.

Старая госпожа Лу подмечала каждую мелочь, но до поры помалкивала. В день, когда супруги вернулись в поместье, служанка привела к ней их шофёра. Расспросив его, пожилая женщина узнала, что молодые господа ездили за город в Цзяньнани, в контору какого-то издательства «Южный путь». Выслушав рассказ, она лишь кивнула и отпустила слуг. Озадаченный шофёр почесал затылок — перед уходом госпожа задала ему весьма странный вопрос.

— Я хоть и мать Лу Шэна, — вздохнула Старая госпожа Лу, устремив на него мягкий, печальный взор, — но теперь он обзавёлся собственной семьёй. И как бы я за него ни пеклась, негоже расспрашивать его обо всём напрямик. Не хочу, чтобы сын решил, будто мать суёт нос в его дела. Вот и приходится мне, грешной, расспрашивать тебя. Мне ведь многого не надо — лишь бы знать, что с ним всё в порядке.

— Вот оно что! — шофёр понимающе закивал. — Какая же вы заботливая мать, госпожа! Нашему старшему молодому господину очень с вами повезло. Не извольте беспокоиться: если захотите что-нибудь узнать, я вам сразу всё доложу.

Она благодарно кивнула и краем шёлкового платка легонько, словно невзначай, промокнула уголок глаза. У простодушного шофёра от жалости даже защипало в носу.

— Ну, я пойду, пожалуй, старая госпожа.

— Иди, ступай с богом, — согласно кивнула та.

Стоило дверям закрыться, как отпускная маска скорбной материнской заботы мгновенно слетела с лица старой госпожи. Разумеется, злобной ведьмой она тоже не стала. Раз уж название места у неё в руках, теперь ничто не мешает ей подослать туда доверенных людей. Конечно, можно было выпытать все подробности у самого шофёра, но пожилая женщина прекрасно понимала: парень верно служит её сыну. Начни она давить на него расспросами, он бы тотчас, едва переступив порог, побежал докладывать Лу Шэну. А вот тихая, полная печали забота заставила беднягу раскрыть душу и выложить всё без утайки.

— Эй, кто-нибудь! — позвала она, и в комнату бесшумно скользнул доверенный слуга. — Разузнайте, что за дела у старшего молодого господина с этим издательством «Южный путь» за городской чертой Цзяньнани. Да потише, чтобы сын ничего не заподозрил.

— Слушаюсь, госпожа, — почтительно отозвался тот и исчез так же тихо, как появился.

Теперь, когда у Се Наня появилось собственное издательство, забот у него прибавилось. Пока ещё «Южный путь» не работал — Лу Шэн подарил ему лишь красивую, но пустую оболочку. Се Наню предстояло наполнить её смыслом, сделать так, чтобы у нового дела появились содержание и глубина.

Он не собирался размениваться на дешёвые сплетни и сиюминутные новости, которыми пестрели тогдашние газеты. Се Нань задумал нечто иное: печатать оригинальные романы, рисованные истории — маньхуа — и изящную словесность. Если дело пойдёт на лад и принесёт хорошую прибыль, эти деньги можно будет вложить в кинематограф, снимая фильмы по мотивам опубликованных на бумаге произведений.

Се Нань покрепче перехватил перо. В этот миг чьи-то сильные руки обвили его талии, у самого уха раздалось горячее, знакомое дыхание:

— О чём ты так задумался, любовь моя?

Се Нань отложил перо. Он не стал высвобождаться из объятий Лу Шэна, лишь задумчиво посмотрел в окно:

— Думаю, с чего начать. Как поднять наше издательство на ноги.

— Вот как? — Лу Шэн мягко улыбнулся. Он и сам прекрасно догадывался, какие мысли одолевают его супруга. — Поделишься с мужем своими планами?

Се Нань слегка повернул голову, всматриваясь в лицо Лу Шэна, и после недолгого молчания заговорил:

— Пока это лишь наброски, сырые мысли. Нужно учесть ещё кучу мелочей. Например, найдутся ли авторы, готовые писать для нас романы? И поймут ли они вообще, что такое маньхуа?..

Слушая его, Лу Шэн поражался всё сильнее. В голове его удивительного супруга роились замыслы, совершенно немыслимые для нынешнего времени. И всё же они не казались чем-то диким или порочным. Напротив, Лу Шэн вдруг подумал, что если Се Наню удастся воплотить всё задуманное, мир вокруг сделает огромный шаг вперёд.

— Послушай, — задумчиво произнёс Лу Шэн, — а все эти твои повести и рисованные истории... Тебе не кажется, что они во многом созвучны нашим древним преданиям и легендам?

Се Нань так и застыл. Он мгновенно просиял.

— Точно! Как же я сам не догадался? Я ведь просто уцепился за привычные названия. На самом деле мне нужно лишь разыскать тех, кто любит сочинять сказки и легенды, а потом помочь им раздвинуть границы привычного. Дать волю их воображению — и тогда они создадут настоящие шедевры!

— Верно, — Лу Шэн ласково коснулся его плеча. — К тому же ты никогда прежде не управлял издательством. Я подумал, не подыскать ли тебе толкового помощника из бывалых газетчиков?

— Хорошая мысль, — согласился Се Нань. — Что ещё посоветуешь?

— Ну, например, можно устроить всё вот так... — Лу Шэн принялся неторопливо расписывать подробности своего плана.

В ту ночь они проговорили до самых вторых петухов. В комнате, залитой мягким, интимным светом лампы, то и дело звучал их негромкий, искренний смех.

Цянь Минда сдержал слово, данное Тун Цзяо, и пообещал устроить ей встречу с Лу Шэном. Однако он прекрасно понимал: едва они заговорят, как тут же выяснится, что Цянь Минда скрыл от девушки то давнее письмо. И тогда все подозрения падут на него. Он помрачнел от тягостных дум. Теперь вся его судьба зависела лишь от одного — поверит ли ему Тун Цзяо.

Решившись на этот отчаянный шаг, Цянь Минда без усталости мерил шагами комнату, раз за разом прокручивая в голове предстоящий разговор. Он тщательно взвешивал каждое слово, придумывал ответы на любые возможные расспросы и перед зеркалом репетировал выражение лица, стараясь добиться предельной естественности и искренности.

На следующее утро, прихватив с собой изысканные гостинцы, Цянь Минда отправился в дом семьи Лу. Дверь ему открыл управляющий Маньфу. Увидев на пороге щеголеватого, благообразного молодого человека, он из-под стёкол очков незаметно и оценивающе посмотрел на гостя и вежливо поинтересовался:

— Могу я узнать ваше имя, сударь?

Цянь Минда отлично знал повадки челяди в богатых домах — такие слуги вечно смотрят на чужаков свысока, подражая своим господам. В подобные минуты следовало держаться с безупречным достоинством. Расправив плечи, он благосклонно улыбнулся:

— Вы, должно быть, управляющий Маньфу? Лу Шэн много рассказывал мне о вас. Я его близкий друг, меня зовут Цянь Минда.

Заметив изысканные манеры гостя и услышав, что тот дружен со старшим молодым господином, управляющий поспешил распахнуть двери шире и пригласил его войти. Подав знак стоявшему неподалёку слуге, он велел ему бежать в Павильон у воды и доложить о

визитере.

— Как вам повезло, господин Цянь! — добродушно рассмеялся Маньфу, провожая гостя в дом.
— Наш молодой господин обычно завален делами, но сегодня, по счастью, остался дома. Ещё бы немного — и вы разминулись бы.

Цянь Минда лишь вежливо улыбнулся в ответ и проследовал за управляющим в парадную гостиную. Вскоре расторопный слуга принёс чашку свежесваренного зелёного чая.

— Молодой господин сейчас спустится, обождите малость, — почтительно проговорил парень и удалился.

Цянь Минда остался в гостиной один. Сделав небольшой глоток, он принялся украдкой разглядывать богатое убранство дома. Он выглядел вежливо спокойным, но лишь он один знал, какая буря бушевала у него в душе и с какой силой он стискивал зубы.

«Почему люди рождаются такими разными? — ядовитая мысль жгла его изнутри. — Отчего одним с рождения суждено купаться в роскоши, а другие вынуждены прозябать в грязи? Почему Лу Шэну без всяких усилий достаётся всё самое лучшее, а мне приходится пускаться на гнусные уловки лишь ради того, чтобы завоевать сердце любимой девушки?»

Он до боли сжал фарфоровую чашку, гася вспышку зависти.

— Цянь Минда!

Громкий, приветливый голос Лу Шэна вырвал гостя из омуты чёрной зависти. Хозяин дома был одет в простое домашнее платье, но даже этот скромный наряд не мог скрыть его природной стати. Стоило ему войти, как изысканный, тщательно подобранный костюм Цянь Минда поблёк. Лу Шэн держался с таким благородством и непринуждённым величием, что его превосходство ощущалось мгновенно.

Они походили на искусно сработанную подделку и подлинник. По отдельности обе вещи кажутся прекрасными, но положи их рядом — и обман тотчас откроется. На самом деле подделке незачем тягаться с оригиналом: ей довольно отыскать собственный путь, чтобы заблестать. История знает немало фальшивок, которые ценились коллекционерами на вес золота, но для этого нужно иметь своё лицо, а не слепо подражать чужому величию.

Цянь Минда тут же поднялся навстречу хозяину дома. Они обменялись дружескими объятиями и принялись расспрашивать друг друга о здоровье и делах, словно не виделись вечность. Затем Лу Шэн устроился в кресле напротив гостя.

— Цянь Минда! Какими судьбами! — искренне обрадовался Лу Шэн. — Не далее как на днях я встретил Ли Тецзюня и Сун Хуа, расспрашивал о тебе. И надо же — ты уже вернулся! Теперь-

то мы точно соберёмся нашей старой компанией и пропустим по стаканчику.

— О да, — с мягкой улыбкой отозвался Цянь Минда. — Я тоже соскучился по нашим посиделкам. Там, на чужбине, только о них и вспоминал.

— Что правда, то правда, — согласился Лу Шэн. — Вдали от родины тоска по дому изводит сильнее всего. Но главное, что теперь мы все дома.

Цянь Минда пригубил чай и, как бы между прочим, произнёс:

— Вообще-то, Лу Шэн, я вернулся не один. Вместе со мной приехала... Тун Цзяо.

В этот момент слуга как раз подавал Лу Шэну свежий чай. Хозяин дома потянулся за пиалой, но услышав имя девушки, вздрогнул — горячая влага плеснула ему на пальцы. Цянь Минда внимательно следил за каждым его движением.

— Осторожнее, — негромко предостерёг он.

— Пустяки, — отмахнулся Лу Шэн и жестом отослал испуганного слугу. — Ступай.

В его голове роились десятки вопросов. Они ведь учились в разных городах — как же вышло, что Минда и Тун Цзяо приплыли на одном корабле?

— Понимаешь, — поспешил объяснить Цянь Минда, — когда я узнал, что ты уехал на родину, мне стало не по себе. Тун Цзяо осталась совсем одна в чужой стране. Я побоялся, что её, хрупкую китайскую девушку, могут обидеть чужестранцы. Мы ведь с тобой как братья, вот я и решил приглядеть за ней. Словом, решили возвращаться вместе.

Лу Шэн слушал его, словно в тумане, и лишь растерянно кивал. Цянь Минда вздохнул и с уккоризной добавил:

— Но едва мы сошли на берег, как до нас долетели слухи о твоей свадьбе. Лу Шэн, как же так? Ты хоть представляешь, каково сейчас Тун Цзяо? Она ведь возвращалась сюда с надеждой стать твоей женой.

— Я... — Лу Шэн смешался.

Мысли путались, он сильно заволновался. Он не знал, что ответить на этот упрёк. Однако сквозь смятение пробилась тревожная догадка: судя по словам друга, Тун Цзяо даже не подозревала о существовании его прощального письма.

«Неужели она не получала моего письма? — подумал он с ужасом. — Если так... если она действительно вернулась ради меня...»

От этой мысли у Лу Шэна перехватило дыхание, и он не решился развивать её дальше. Цянь Минда тяжело вздохнул, разыгрывая искреннее сочувствие:

— Как бы там ни было, Лу Шэн, раз уж ты её предал, то должен объясниться. Я пришёл сюда по её просьбе. Она хочет встретиться с тобой лицом к лицу.

Когда слуга прибежал доложить о визите друга молодого господина, Се Нань как раз разбирал бумаги. Он велел Лу Шэну идти к гостю, решив, что приехали Ли Тецзюнь и Сун Хуа — ведь муж совсем недавно звал их в Поместье Лу. Закончив дела, Се Нань подумал, что те двое показались ему на редкость славными ребятами. «Раз уж я решил остаться здесь, — рассудил он, — да и Лу Шэн так переменялся ради меня, почему бы и мне не сделать шаг навстречу?» С этой мыслью он вышел из комнаты, намереваясь искренне подружиться с приятелями мужа.

Однако на подходе к гостиной до него долетели обрывки чужого разговора. Се Нань невольно замер у самого порога. Он вовсе не собирался подслушивать или прятаться, но слова, доносившиеся из-за приоткрытой двери, ранили его в самое сердце. Земля ушла у него из-под ног, в глазах потемнело, и ему пришлось опереться о косяк, чтобы не упасть.

«Так вот оно что... — билось в его сознании. — Лу Шэн... любит женщин!»

Эта простая, очевидная истина обрушилась на него подобно лавине.

— Кто там? — вдруг спросил Цянь Минда. Из своего кресла он прекрасно видел дверной проём.

Лу Шэн, сидевший спиной к выходу, порывисто обернулся. Заметив бледного, застывшего на пороге Се Наня, он оцепенел. Он был настолько смятен, что скрывать это было уже бессмысленно.

Ни единого слова не сорвалось с их губ. Се Нань отвёл взгляд и круто развернулся. Лу Шэн, не помня себя от страха, вскочил с кресла и бросился следом, совершенно позабыв о присутствии гостя.

— Се Нань! Постой, Се Нань! — его отчаянный зов постепенно затихал в глубине коридоров.

Цянь Минда неторопливо покрутил на пальце кольцо. Эта сцена показалась ему забавным фарсом. Но куда важнее было другое открытие: он воочию убедился, что Лу Шэн безумно влюблён в этого Се Наня. Стороннему наблюдателю всегда видно лучше. Лу Шэн — человек гордый и эгоистичный до мозга костей. Да, когда-то он увлекался Тун Цзяо, но то была лишь лёгкая интрижка, далёкая от настоящего чувства. Настоящая любовь лишает рассудка. А Лу Шэн ради Тун Цзяо не смог поступиться даже собственной гордостью, где уж там говорить о

потере головы?

Люби он её по-настоящему, разве богатство семьи Лу не позволило бы ему пересечь океан? Да он мог бы отправиться в эту Америку и привезти девчонку силой! Но он предпочёл остаться дома и отправить сухое письмо, вынуждая её вернуться саму. Его уязвлённое мужское самолюбие не позволяло ему склонить голову перед женщиной. Лу Шэн берёт свой покой пуще прежней пассивности.

А вот этот Се Нань... Старшая молодая госпожа семьи Лу.

«Надо же, Лу Шэн, и на твою улицу пришла беда, — злорадно подумал Цянь Минда. — Что ж, поглядим, далеко ли ты уйдёшь со своим ненаглядным супругом».

Мужчина сожительствует с мужчиной... Какая нелепость! Какое убожество! Цянь Минда презрительно усмехнулся.

Се Нань бежал по переходам усадьбы, не разбирая дороги. В голове творился настоящий хаос. Он всегда твердил себе, что не испытывает к Лу Шэну никаких чувств, что стал жертвой жестокого принуждения, заложником этого душного времени и властной семьи. Но сейчас, соприкоснувшись с горькой правдой, он лишился своего хвалёного самообладания. Вся его хладнокровная логика разлетелась в прах. В голове билась одна-единственная мысль: бежать. Прочь из этого дома, прочь от этой лжи. Да пропади оно всё пропадом! Глаза бы его больше не видели этого подлеца!

— Мерзавец! — сквозь зубы выплюнул Се Нань.

Лу Шэн нагнал его в переходе и мёртвой хваткой вцепился в плечо:

— Ты меня ругаешь?

— Да, тебя! — Се Нань резко развернулся, и его маска ледяного равнодушия окончательно дала трещину. — Что, не нравится? А ты ведь у нас мастер на все руки! Что же ты медлишь? Тащи сюда свою плеть! Давай, примени ко мне Семейное наказание Лу! У тебя ведь тогда отлично получалось спину мне кромсать! Что же ты стоишь? Бей! Меня с души воротит от одного твоего вида! Пошёл ты к чёрту! Видеть тебя не желаю!

— Ах ты... — Лу Шэн разъярился.

Но он не поддался на провокацию. Наперекор бунтующему супругу, он обхватил его поперёк туловища и пинком распахнул дверь спальни, втаскивая сопротивляющегося мужчину внутрь.

Служанки и лакеи, копошившиеся во внутреннем дворике Павильона у воды, в ужасе наблюдали за этой ссорой. Когда двое мужчин сходятся в яростной схватке, это зрелище не

для слабонервных. Никто из дворни не смел издать ни звука, боясь навлечь на себя гнев разбушевавшихся хозяев.

Тяжёлая резная дверь с грохотом захлопнулась — к счастью, дерево было добротным и выдержало удар. Лу Шэн втолкнул Се Наня в комнату и повалил на кровать.

— Да уймись ты наконец!

— Угломониться? — Се Нань так и подскочил на месте, злобно расхохотавшись. — Ты мне приказываешь успокоиться? Да как я, по-твоему, должен реагировать?!

Он упрямо встал во весь рост, наступая на Лу Шэна:

— Ты ведь любишь женщин! Зачем тогда устраиваешь этот цирк? Посмотри на меня — я мужчина! Слышишь? Мужчина! Чего ты добиваешься? Пригрел меня, приручил... Не для того ли, чтобы побольнее уколоть свою прежнюю зазнобу?

Выпалив это на одном дыхании, Се Нань почувствовал странное облегчение — он наконец высказал всё, что его мучило. Но в ту же секунду ему стало внезапно страшно.

«А если он скажет "да"? — забилась в груди трусливая мысль. — Что со мной будет? Кем я тогда окажусь для него? Дешёвой игрушкой? Средством для мести?»

Он замер, боясь услышать ответ.

— Се Нань, да что с тобой стряслось? — опешил Лу Шэн.

Его самого душила злость. Известие о возвращении Тун Цзяо спутало все карты и выбило из колеи, но он и представить не мог, что Се Нань подслушает разговор и впадёт в такое неистовство.

«Постойте... — пронеслось в голове у Лу Шэна. — С чего бы ему так злиться? К чему эта ярость? Неужели...»

Гнев Лу Шэна улетучился без следа, уступив место какому-то робкому, сладкому предвкушению. Он медленно шагнул вперёд и бережно коснулся плеча супруга:

— Се Нань... Ты ведь ревнуешь, верно? Ты полюбил меня. Полюбил уже давно, просто сам себе боялся в этом признаться. А сейчас услышал о моей бывшей невесте и пришёл в ярость.

— Ревную?... — Се Нань осёкся.

Вся его злость, вся ярость и обида вмиг испарились, разбившись об это простое слово. Он растерянно уставился на Лу Шэна, всматриваясь в его точёные, родные черты, и почувствовал, как сердце пропустило удар.

«Пропал... — обречённо подумал он. — Я действительно... действительно его люблю».

<http://bllate.org/book/20305/2172402>